

ями о храмовых убежищах, но и с древнейшими италийскими обычаями, освященными религиозной божеств плодородия, предоставлявшими рабам и изгоям право убежища на новых местах поселения. Это право основано на тех же представлениях, что и древнеримское право гостеприимства и клиентелы.

Домашние рабы в Италии начала I тысячелетия до н. э. играли большую роль в родовом культе, что опять-таки является прямым отголоском патриархально-рабовладельческих отношений. Попечение о культе «домашнего Лара» (*Lar familiaris*) лежало всецело на домашних рабах, а в качестве жреца выступал домоправитель из рабов. Компиталии — праздник в честь сельских ларов (*Lares compitales*) и родственные во многом Компиталиям Сатурналии были празднествами рабов по преимуществу, как и некоторые другие греческие и римские празднества, связанные с древнейшими родовыми божествами плодородия⁵². Подобные религиозные представления нашли свое отражение и в легенде о царе Сервии Туллии, по преданию сыне рабыни, учредителе Компиталий и строителе храма Дианы на Авентине; последний, вероятно, служил в древности убежищем для беглых рабов, ибо день празднования его основания считался *servorum dies festus*. На праздновании Ларенталий — празднике в честь духов умерших предков, жрецами приносились специальная жертва манам умерших рабов (*Varro, de L. L., VI, 23*). Эта тесная связь рабов с культом ларов и другими родовыми культами, определявшаяся патриархально-рабовладельческими отношениями, была одной из причин возникновения легенды о «золотом веке» как позднейшей идеализации патриархальных общественных отношений эпохи общинно-родового строя, окрасившей собой проявления революционной идеологии низов римского общества последних десятилетий республики и времен империи.

В заключение необходимо подчеркнуть еще раз, что археологические данные, по мере их изучения, дают все больше и больше для критики скудной и в значительной степени искаженной поздними толкованиями древнейшей традиции о первых столетиях Рима. «Этрусский период» в истории Рима совпал с первыми шагами его государственности, укреплению которой немало способствовали выработанные этрусками политические и общекультурные нормы. Лет двадцать—тридцать назад казалось, что Латин и латинская культура VII—VI вв. были поглощены этрусками. Постепенно выясняется все более и более, что Рим развивался, преодолевая это этрусское влияние. Дальнейшие исследования должны конкретизировать пока еще довольно смутные отрывочные представления о ходе римской истории в ее начальный период.

Л. А. Ельницкий

БОРЬБА ЗА ЕДИНСТВО РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И ЗА ПРЕОБЛАДАНИЕ РИМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КЛАВДИЯ КЛАВДИАНА

Литературное наследство Клаудиана довольно обширно и значительно по своему содержанию и художественным достоинствам. Произведения Клаудиана получили высокую оценку как современников, так и историков римской литературы. Современники почтили Клаудиана, воздвигнув ему медную статую на форуме Траяна с надписью, в которой поэта сравнивали с Гомером и Вергилием¹. Эта преувеличенная похвала исходила из среды тех, интересы которых защищал Клаудиан, мысли и чувства которых он отражал в своих произведениях. Историки римской литературы считают Клауд-

⁵² См. ВДИ, 1946, № 4, стр. 54 сл.

¹ СЦЛ, VI, 1710.

диана одним из крупнейших римских поэтов², а некоторые — «последним из великих римских поэтов»³.

Особое значение имеют произведения Клавдиана для истории Поздней Римской империи. Они являются ценным источником для суждения о политических идеях, настроениях и стремлениях господствующих кругов италийского общества в период напряженной политической борьбы между Западом и Востоком империи в 395—404 гг. Наиболее значительные события этого бурного десятилетия описаны Клавдианом как хорошо осведомленным современником и как талантливым поэтом.

Однако описание событий, несмотря на их значение для современников и потомков, являлось не главной задачей творчества Клавдиана. Эти события были для поэта материалом для больших обобщений и выводов политического характера. Почти все значительные произведения Клавдиана насыщены страстью политической борьбы. Его поэзия носит полемический и политический характер. Бичующая сатира и блестящая риторика его стихов соединялись со страстью борца, любовью к Риму и ненавистью к его врагам. Главное достоинство произведений Клавдиана для современников заключалось в том, что его муза была глубоко идейна и политически тенденциозна. Клавдиан сумел классовые интересы определенной части италийского общества облечь в блестящую поэтическую форму и придать им идейный характер.

Клавдиан появился в Риме незадолго до 395 г. Вероятно, он прибыл в Рим вместе с Феодосием I, который в 393 г. был вынужден во главе армии отправиться в Италию для борьбы с узурпатором Евгением⁴. Клавдиан был уроженцем Египта, и Свидя называет его «Клавдиан александриец»⁵. На литературном горизонте Рима Клавдиан появился в 395 г. как автор панегирика в честь Пробина и Олибрия, избранных в консулы. Панегирик имел большой успех и открыл поэту доступ ко двору, в салоны Милана и Рима.

В сохранившемся фрагменте надписи Клавдиан назван трибуном и нотарием⁶. Это указывает на то, что он находился на службе империи. При Стилихоне Клавдиан выполнял обязанности секретаря. Эта близость к Стилихону и его окружению оказала большое влияние на творчество Клавдиана. Клавдиан находился в центре политической жизни, и в течение десятилетия (393—404) грек из Александрии был властителем дум части италийского общества и идеологом руководящих политических кругов Рима.

На политическую арену в Риме Клавдиан выступает в конце 395 г. с поэмой «Против Руфина», главы правительства Восточной империи. Задача Клавдиана заключалась в том, чтобы подорвать авторитет и влияние Руфина среди византийской знати. Но основной целью Клавдиана было оправдание политики Стилихона и защита его прав на единое опекунство не только над Гонорием, но и над Аркадием. Клавдиан писал: «Стилихон, твоим заботам поручены и римское могущество, и верховное руководство делами, тебе доверены и военная власть обоих братьев и войска родственных государств»⁷.

² М. М. Покровский, История римской литературы, М., 1942, стр. 377.

³ Г. Буассье, Падение язычества, М., 1892, стр. 397. В последние годы внимание к произведениям Клавдиана заметно возросло, о чем свидетельствует ряд статей, помещенных в журналах по классической филологии, а также отдельные исследования, посвященные литературоведческим и филологическим проблемам в творчестве Клавдиана (см. J. Marouzeau, L'Année philologique, тт. 15—26).

⁴ Cl. Claudiani carmina, Recensuit L. J e r r., Lipsiae, 1876, Praefat., стр. XIII.

⁵ RE, s. v. Claudianus.

⁶ CIL, VI, 1716.

⁷ C l a u d., In Rufin., II, 4—6:

Jamque tuis, Stilicho, Romana potentia curis
Et rerum commissus apex, tibi credita fratrum
Utraque maiestas geminaeque exercitus aulae.

Ср. De IV consu!, Honor., 430.

Но права Стилихона на единое опекунство над обоими братьями-августами юридически не были оформлены да, по мнению Моммзена, и не могли быть оформлены⁸. Косвенным подтверждением прав Стилихона могло служить то обстоятельство, что Стилихон самим Феодосием был назначен единым главнокомандующим объединенных армий. Но это было еще при жизни Феодосия. После его смерти империя фактически была разделена между двумя его сыновьями. Сторонники Стилихона при миланском дворе Гонория продолжали считать Стилихона защитником обеих империй. Эта точка зрения имела сторонников и на Востоке, о чем свидетельствует заявление Зосима, что Стилихону было поручено заботиться об обоих царствах⁹.

Историческая обстановка в Римской империи в 395 г. определялась следующими фактами. На Востоке, в Константинополе, был августом семнадцатилетний Аркадий, а фактическим руководителем его и главой правительства был Руфин. На Западе августом был десятилетний Гонорий, руководителем которого был Стилихон, глава правительства и главнокомандующий объединенной армией¹⁰. В его руках находилась власть над действующей армией обеих империй. Материальные средства, которые были мобилизованы Феодосием для борьбы с узурпатором Евгением, также оказались в руках Стилихона, пользовавшегося особым доверием Феодосия. Положение, сложившееся на границах восточной половины империи, требовало решительных действий от правительств обеих империй. Вместе с тем оно было чрезвычайно благоприятно для вмешательства Стилихона в дела Востока.

Вестготы, союзники Феодосия I, узнав о его смерти, внезапно обратились с новыми требованиями к правительству Аркадия. Не получив удовлетворения своим требованиям, вестготы во главе с Аларихом вторглись в пределы империи Востока. В Малую Азию вторглись гунны¹¹. Правительство Аркадия оказалось в большом затруднении, так как не располагало достаточными силами, поскольку часть войск находилась на Западе под командованием Стилихона. Во главе объединенной армии Стилихон появился в Фессалии, готовясь дать бой вестготам Алариха¹².

Но правительство Аркадия, возглавляемое Руфином, зная о притязаниях Стилихона на опекунство над Аркадием, больше боялось Стилихона, чем вестготов Алариха. Появление Стилихона с армией на территории империи Востока правительство Аркадия рассматривало как нарушение суверенных прав империи. Стилихон, приостановивший продвижение вестготов в глубь Греции, получил от Аркадия предписание, переданное Клавдианом в поэтической форме. «Пусть покинет он [Стилихон] пределы Иллирика, вернет Востоку воинов, поровну разделит силы между братьями»¹³. Стилихон должен был выполнить приказ старшего августа Аркадия¹⁴. Но с этого момента отношения между двумя империями стали открыто враждебными и послужили поводом к напряженной борьбе, которая продолжалась в течение всего периода правления Стилихона (395—408). Восток и Запад, по выражению Моммзена, находились в состоянии «гражданской войны»¹⁵.

Политическая борьба, начатая Стилихоном, требовала мобилизации определен-

⁸ Th. M o m m s e n, *Stilicho und Alarich*, «Gesammelte Schriften», IV, 1, стр. 517.

⁹ Z o s i m, V, 4, 3; 34, 6. Из современных историков Е. Демужо, автор интересной и значительной работы, посвященной событиям 395—410 гг. н. э., приходит к выводу, что Стилихону самим Феодосием поручена опека над Гонорием и над Аркадием (Е. D e m o u g e o t, *De l'unité à la division de l'Empire Romain*, P., 1951, стр. 102).

¹⁰ FHG, IV, S. Eunapii. fr. 63; O r o s., VII, 37, 1.

¹¹ C l a u d., In Rufin., II, 26, 107; II, 28, 54 и сл.; Z o s i m., V, 5.

¹² C l a u d., In Rufin., II, 101.

¹³ C l a u d., In Rufin., II, 167 и сл.:

Deserat Illyricos fines, Eoa remittat
Agmina, fraternas ex aequo dividat hastas.

¹⁴ C l a u d., In Rufin., II, 202.

¹⁵ M o m m s e n, укр. соч., стр. 524.

ных социальных сил. Стилихон не пользовался влиянием среди италийской знати. Надо было привлечь на сторону Стилихона рабовладельческую знать как Италии, так и других провинций Запада. Эту нелегкую задачу взял на себя Клавдиан. Но Клавдиан выступает не только как защитник притязаний Стилихона. В своих произведениях, направленных против врагов Стилихона — сначала Руфина, а затем Евтропия, Клавдиан поставил перед современниками наиболее существенные вопросы эпохи. Он приковал их внимание к вопросу о борьбе за единство Римской империи, фактически уже разделенной в 395 г. между двумя августами. Он оживил воспоминания современников о «великом Риме», который в прошлом был политическим центром империи, и вновь поставил вопрос о том, кому должно принадлежать право господства в Средиземноморской державе — Риму или Константинополю. Притягательная сила политических идей Клавдиана заключалась в том, что он вновь ставил вопрос о преобладании Рима как исторического и политического центра империи. Вокруг древнего Рима, а не нового Рима (Константинополя) должна объединиться Римская империя, чтобы сохранить свою мощь, свое господство над завоеванным предками «кругом земель» (*orbis terrarum*).

Прославление Рима — старая тема поэтов Римской державы. Но эта тема приобретает новый интерес для правящей верхушки Италии в IV в., когда древний Рим перестал быть политическим центром империи. Рим для Клавдиана — это «великий Рим». Но эпитеты Рима «великий», «вечный», которые обычно употребляли поэты эпохи империи, Клавдиан стремился дополнить¹⁶. Рим — это «город — ровесник небу»¹⁷, город величественный и вечный, как небо. Клавдиан писал о Риме как о «непобедимой столице мира»¹⁸. Для Клавдиана, не дожившего до разгрома Рима в 410 г. Аларихом, Рим был еще непобедимой столицей.

Клавдиан прославлял Рим как «мать царей и героев»¹⁹, но прославление Рима было только отправным моментом его политической поэзии. Воспоминаниями о великих заслугах Рима, его культурно-исторической миссии Клавдиан стремился обосновать единство империи во главе с Римом. Клавдиан напоминал народам Средиземноморья, что Рим «принял побежденных в свое лоно, как мать, а не как властелин, обладал человеческий род и назвал гражданами тех, кого покорил, и вновь привязал к себе священными узами... Все мы обязаны его мирным обычаям, как гости, пользуемся правом менять местопребывание в родных владениях... Пьем мы воду повсюду из Роны, пьем из Оронта. И все мы один народ»²⁰. Для Клавдиана единство римского народа, живущего в Европе и Азии, является обоснованием единства империи. Идея единства Римской империи в это время имела огромное политическое значение, она существовала как историческая традиция в юридических и литературных памятниках. Клавдиан превратил идею единства империи в злободневный и политический лозунг, стремясь мобилизовать общественные силы Италии для борьбы за осуществление единства. Идея единства

¹⁶ C I a u d., De III consul. Honor., Praefat., 16: Magna Roma; cp. S y m m a c h., Epist., IV, 28.

¹⁷ C I a u d., De bello Getico, 54: ...Urbs aequaeva polo.

¹⁸ C I a u d., De bello Gildon., 459; caput insuperabile rerum — Roma.

¹⁹ C I a u d., De cons. Stil., III, 175: Protegis hanc clypeo matrem regumque ducumque.

²⁰ C I a u d., De cons. Stil., III, 150 и сл.:

Haec est in gremium victos quae sola recepit
 Humanumque genus communi nomine fovit.
 Matris, non dominae, ritu, civesque vocavit
 Quos domuit nexuque pio longinqua revinxit.
 Huius pacificis debemus moribus omnes,
 Quod veluti patriis regionibus utitur hospes;
 Quod sedem mutare licet;...
 Quod bibimus passim Rhodanum potamus Orontem
 Quod cuncti gens una sumus.

империи у Клавдиана облекалась в форму верховного суверенитета древнего Рима. Для этого Клавдиан напоминал своим современникам о величии Рима. Для Клавдиана только древний Рим может быть единственным средоточием верховной власти. «До каких пор верховная власть, разлученная с Ларами, находится в изгнании и скитается вдали от родины?» — писал Клавдиан²¹. Такая постановка вопроса о преобладании Рима в империи находила сочувствие и поддержку у определенной части италийской знати, которая дважды на протяжении десятилетия (383—392) пыталась освободиться от гегемонии Востока, примыкая к «узурпаторам» Максиму и Евгению²².

Единство империи, по мнению Клавдиана, могло быть установлено признанием единого опекуна Стилихона над обоими братьями²³. Это была реальная политическая форма, в которой могло быть осуществлено мирным путем единство империи.

Но Римская империя с 395 г. была разделена между двумя братьями. Клавдиан, видимо, учитывал эту реально сложившуюся систему, допускал разделение империи между двумя августами, как это было и раньше, при Валентиниане I, при Феодосии I. Для подтверждения этого положения можно сослаться на слова Клавдиана, когда он от имени умершего Феодосия призывал братьев помогать друг другу. «Ты (Аркадий.— *Н. Л.*) должен выступить против врагов твоего брата, а он (Гонорий.— *Н. Л.*) против твоих»²⁴. Но за этими призывами к объединению усилий обеих империй для борьбы с врагами империи скрывались и другие политические планы части италийской знати и самого Стилихона. Признание Стилихона единым опекуном и руководителем политики обеих империй неизбежно привело бы на первых порах к преобладанию Запада над Востоком, учитывая, что до ноября 395 г. армия обеих империй находилась в руках Стилихона, главы правительства Западной Римской империи. Но правящие круги Восточной империи, которые на протяжении почти всего IV в. экономически и политически господствовали над Западом, организовали упорное сопротивление великодержавным планам Стилихона.

События этих пяти лет (395—399) нашли свое отражение в ряде произведений Клавдиана, из которых главные — сатирические поэмы: «Против Руфина», «Против Евтропия», а также «Война с Гильдоном» и др. Этими произведениями Клавдиан начал идеологическую борьбу с правящими слоями Константинополя, с его правительством, возглавляемым сначала Руфином (395), а затем Евтропием (в 396—399). Клавдиан понимал, что врагами политических планов Стилихона являются не только временщики Руфин и Евтропий, но вместе с ними и вся византийская военно-служилая и саноная знать богатых провинций Востока. Клавдиан всю силу своих обличений напра-

²¹ C I a u d., De VI consul. Honor., 407:

...Quem precor ad fines Laribus seiuncta potestas
exsulat imperiumque suis a sedibus errat?

²² В 383 г. Максим при поддержке галльской знати и сенаторов Италии свергнул власть Грациана и начал борьбу с Феодосием. В 392 г. ритор Евгений при поддержке тех же сил свергнул на Западе власть Валентиниана II и вступил в борьбу с Феодосием. Оба восстания успеха не имели. Превосходство военных сил и материальных средств империи Востока обеспечили победу Феодосию.

²³ C I a u d., De VI consul. Honor., 431:

...vincis
Subnixus Stilichone tuo, quem fratribus ipse
Discedens clipeum defensoremq; dedisti.

Ты побеждаешь, опираясь на своего Стилихона, которого ты сам (Феодосий.— *Н. Л.*), умирая, дал братьям как охрану и защитника.

²⁴ C I a u d., De bello Gildon., 312:

Debueras etiam fraternis obvius ire
Hostibus, ille tuis...

влет прежде всего против Руфина и сменившего его Евтропия, которые свое служебное положение превратили в источник личного обогащения и совершили ряд преступлений против государства и отдельных граждан.

В ярких и бичующих выражениях Клавдиан описывает ненасытную жадность Руфина, который «если не грабит живых, то делается наследником мертвых»... «Народы принуждены служить ему, богатые города подчиняются власти одного человека...». «Один дом (Руфина.— *Н. Л.*) получает добычу со всего мира»²⁵. Конкретные случаи злоупотребления властью Руфином описаны у Зосима и других греческих писателей²⁶, что подтверждает правильность обличений Клавдиана. Но главное обвинение Клавдиана носит политический характер: Руфин изменник родины²⁷; его действия «угрожают трону», погубив всех воинов, он стремится уничтожить римское могущество²⁸. Руфин заключил с вестготами союз, в результате которого они вторглись во Франкию, угрожали осадой Константинополю, а гунны проникли в Малую Азию. Подобные обвинения, брошенные Руфину, мы находим и у других писателей²⁹. Руфин стремился к тирании, писал современник Созомен, учитывая намерение Руфина выдать свою дочь за Аркадия и тем достичь высшей власти³⁰.

Обвиняя Руфина в злоупотреблениях властью и заговоре против империи, Клавдиан одновременно противопоставляет ему действия Стилихона и возлагает на него миссию «спасителя» империи. «Руфин угрожает нас уничтожить, ты (Стилихон) оставишь его... Он (Руфин) разрушил, ты восстанавливаешь»³¹.

Описывая бедствия населения придунайских и македонских провинций, опустошенных вестготами Алариха, и разорение городов Малой Азии гуннами, Клавдиан призывает Стилихона: «приди, Стилихон, на помощь погибающему отечеству»³², т. е. Восточной империи.

Мы видели, что эта помощь Стилихона была отвергнута правительством Востока во главе с Руфином. И борьба продолжалась. В этой борьбе был убит Руфин в результате военного заговора, инспирированного, видимо, Стилихоном и осуществленного воина-

²⁵ *Claud.*, In *Rufin.*, I, 192—195:

... aut aufert vivis, aut occupat heres.
...orbis rapinas accipit una domus... populi servire coacti
Plenaque privato succumbunt oppida regno.

²⁶ *Zosim.*, V, 1—7; IV, 51, 57; *Eunap.*, fr. 63.

²⁷ *Claud.*, In *Rufin.*, II, 54 и сл.:

imperium...
Quod tantis Romana manus contexuit annis
Proditor unus iners angusto tempore vertit.

Империю..., которую в течение столь многих лет создавало римское оружие, изменник своею бездеятельностью в тяжелое время один разрушает.

²⁸ *Claud.*, In *Rufin.*, II, 306 и сл.:

Sed sceptris inferre minas⁷ omnique perempto
Milite, romanas ardet prosternere vires.

²⁹ *Claud.*, In *Eutrop.*, I, 17, 245; In *Rufin.*, II, 28, 270. *Soerat.*, VI, 1; *Oros.*, VII, 37, 1; *Zosim.*, V, 5.

³⁰ *Sozomen.*, VIII, 1.

³¹ *Claud.*, In *Rufin.*, I, 298 и сл.:

Ingulare minatur;
Tu prohibes... Eruit, instauras...

³² *Claud.*, In *Rufin.*, II, 94—95:

... Tandem succurre ruenti
Neu patriae Stilicho...

ми готского вождя Гайны, который был во главе армии отправлен Стилихоном на Восток по требованию правительства Аркадия³³.

Стилихону не удалось выполнить своей миссии «спасителя» империи. Вестготы с Аларихом продолжали свои опустошительные набеги на города и поместья Греции, продвигаясь все дальше на юг, в Пелопоннес. Убийство Руфина не оправдало надежд Стилихона и на установление его влияния на дела Востока. Главой правительства в Константинополе сделался Евтропий, фаворит Аркадия и царицы Евдокии. Готский вождь Гайна, организатор убийства Руфина, был назначен магистром армии. В Константинополе к власти пришли сторонники союза и «дружбы» с готами. Новое правительство, хотя и обратилось за помощью к Западу в борьбе против орд Алариха в Пелопоннесе, однако к притязаниям Стилихона на опеку относилось враждебно.

В 397 г. Стилихон во главе значительной армии высадился в Коринфе и начал преследование отрядов вестготов, продолжавших свои грабежи и разрушение городов и поместий в Пелопоннесе. Стилихону удалось окружить и блокировать вестготов. В Константинополе ждали известий об окончательном разгроме Алариха войсками Стилихона. Но вестготам Алариха удалось уйти из окружения, с богатой добычей погрузиться на суда и отплыть в Эпир³⁴.

То обстоятельство, что Стилихон не воспользовался своим военным преимуществом и не добил вестготов в Пелопоннесе, вызвало у правительства Евтропия в Константинополе подозрение в сговоре Стилихона с Аларихом. Правительство Константинополя меняет резко свое отношение к вестготам Алариха. Оно заключило с вестготами Алариха союз и новый договор, которым Аларих назначался на должность магистра войск в Восточном Иллирике, его армии было предоставлено продовольствие и вооружение из складов империи³⁵. Кроме того, правительство Константинополя приняло под свое покровительство наместника Африки Гильдона, уже давно искавшего повод отложиться от Рима и стремившегося к независимости Африки от империи³⁶. В 397 г. Гильдон поднял в Африке восстание против Рима.

Были приняты и меры против Стилихона, который был объявлен «врагом империи» и наказан конфискацией имущества, находившегося на территории Востока³⁷. Эта дискредитация Стилихона в глазах господствующих слоев населения Востока должна была окончательно покончить с притязаниями Стилихона на опеку над Аркадием и вообще его попытками оказать какое-либо влияние на дела Востока. Это была победа дипломатии Константинополя над притязаниями Стилихона, несмотря на военное преимущество Запада в это время и тяжелое положение Востока.

Вестготы Алариха были привлечены на сторону Константинополя и стали охранять западные границы Восточной империи. Западной империи была навязана война в Африке, которая заставила Стилихона поспешно удалиться из Пелопоннеса и вернуться в Рим. Надо было организовать борьбу с Гильдоном, борьбу за Африку, которая уже давно стала почти единственной житницей Италии и Рима. Все это привело к еще большему обострению взаимоотношений между империями Запада и Востока.

Эти действия правительства Евтропия против Стилихона дали повод к новым обвинениям и нападкам Клавдиана на Евтропия и на господствующую верхушку Константинополя. Клавдиан в произведении «Против Евтропия» стремится подорвать авторитет Евтропия среди византийского общества, заклеймить его, вскрывая преступления Евтропия и позорные действия в качестве главы правительства. Евтропий называется рабом (*mancipium*), который «владеет таким великим царством, расхищает бо-

³³ Клавдиан не скрывает роли Стилихона в убийстве Руфина. *C l a u d., In Rufin., II, 402* и сл.: *Stilicho... te ferit* — «Стилихон... тебя убивает».

³⁴ *Z o s i m., V, 7; C l a u d., In Eutr., II, 214.*

³⁵ *C l a u d., De bello Gildon., 535—540; In Eutr., VI, 24.*

³⁶ *C l a u d., De bello Gildon., 236; 259, 535—540; De cons. Stil., III, 81; In Eutrop. I, 339; Z o s i m., V, 11; CTh, IX, 14, 3.*

³⁷ *C l a u d., Cons. Stil., I, 297; cp. CTh, IX, 14, 3.*

гатства стольких городов»³⁸. Клавдиан ставит в особую вину Евтропию, что он «пытается посеять раздоры между благочестивыми братьями и разделить родственные царства»³⁹. Напоминает Клавдиан и о предательской политике Евтропия, принявшего под покровительство Константинополя отложившегося от Рима наместника Африки Гильдона (там же, I, 399).

От обличений Евтропия Клавдиан переходит к нападкам на сенат Константинополя и отдельных представителей правительства и окружения Евтропия. Для Клавдиана было ясно, что Евтропий является только пешкой в руках придворной и сановной знати Константинополя, не желавшей подчиняться честолюбивому Стилихону и терять свое привилегированное положение на Востоке. В угоду сенаторам Рима Клавдиан стремится унижить сенаторов Константинополя. Так, он описывает заседание сената Константинополя во время обсуждения вопроса о восстании готов в Малой Азии под руководством Трибигильда (Zosim., V, 13, 20). «Позабыв вдруг о Фригии, перестав обсуждать вопрос о ведении войны, они перешли к обычным шуткам, состязаниям в дирке»⁴⁰. Презрительно отзывается Клавдиан о сенаторах, называя их «ложные отцы — сенаторы». С иронией говорит он о «греческих квиритах», «благородных византийцах», «окруживших в беспомощном сенате своего вождя Евтропия»⁴¹.

Клавдиан дает сатирический портрет полководца Лео, изображая его человеком трусливым, хвастливым и легкомысленным, не сумевшим удержать армию в повиновении и подавить восстание Трибигильда⁴².

Презрение к византийской знати и ненависть к новой столице империи и ее сенату были отражением враждебных чувств правящих слоев италийского общества к «новому Риму» — Константинополю. Эти чувства Клавдиан выразил в одной фразе: «Один город мы уступаем фуриям-мстительницам в искушение мира»⁴³. Этот город — Константинополь.

Клавдиан обвиняет правительство Константинополя, сенат и Евтропия в том, что они являются врагами единства империи. «Враждебный Восток завидует счастливым успехам Рима. На Востоке возникают преступные замыслы, чтобы империя не была единым телом»⁴⁴.

Вскрывая политические замыслы врагов Рима на Востоке, Клавдиан стремился мобилизовать силы Запада в борьбе Стилихона за единое опекунство, за восстановление

³⁸ C l a u d., In Eutr., I, 190: Mancipium tot regna tenet, tot distrahit urbes.

³⁹ C l a u d., там же, I, 281 сл. ...

Geminam quid dividis aulam
Conarisque pios odiis committere fratres?

⁴⁰ C l a u d., In Eutrop., II, 361:

Obliti subito Phrygiae bellisque relictis
Ad solites coepere iocos et iurgia circi tendere.

⁴¹ Там же, I, 470: ...

Falsi complete sedilia patres...
Ite novi procures, infecundoque senatu
Eutropium stipate ducem...
In Eutrop., II, 135—136... Plaudentem cerne senatum
Et Byzantinos procures Graiosque Quirites.

⁴² C l a u d., In Eutrop., I, 380.

⁴³ Там же, II, 39: Unam pro mundo Furiis concedimus urbem.

⁴⁴ C l a u d., In Eutrop., I, 396 сл.:

...Discors Oriens felicibus actis
Invidet atque alio Phoebi de cardine surgunt
Crimina, ne toto conspiret corpore regnum.

единства империи, за вручение Стилихону ведения дел не только на Западе, но и на Востоке. Поэтому поднять авторитет Стилихона было очередной задачей. И Клавдиан пользовался всеми средствами своего литературного таланта и всяким поводом, чтобы героизировать Стилихона. Три книги стихов о консульствах Стилихона носят, безусловно, характер панегириков, но они содержат и исторические и биографические данные. Победы Стилихона над восставшими «варварами» в 396 г. на Рейне и заключение с ними нового договора, удачные действия против вестготов в Аркадии в 397 г., победа над восставшей Африкой, защита Британии от вторжения саксов, скоттов и пиктов в 398 г. — все эти военные успехи Стилихона, о которых повествует Зосим⁴⁵, нашли льстивую и часто преувеличенную похвалу у Клавдиана⁴⁶. Все это давало возможность Клавдиану писать: «О Рим, Стилихон восстановил все твои триумфы»⁴⁷. Вся деятельность Стилихона направлена на благо Рима. «Какой похвалы заслуживаешь ты, Стилихон, удерживая на своих плечах весь мир, почти готовый разрушиться»⁴⁸.

Клавдиан стремился внушить италийской знати, что Стилихон — это «новый Камилл», в котором «квириты видят своего мстителя и спасителя»⁴⁹. Часто напоминал Клавдиан своим современникам о Стилихоне. «Преславный Стилихон, ты вместе с богами защищаешь Рим, ты укрываешь своим щитом этот город, мать наших царей и героев»⁵⁰. Заслуги Стилихона, по мнению Клавдиана, так велики, что «звезды записывают имя Стилихона в фастах эфира»⁵¹.

Панегирический характер этих стихов не нуждается в объяснении. Это дань поэта своему времени и литературному стилю. Политический смысл величания Стилихона заключается в том, чтобы побудить чванливую и гордую своими предками италийскую знать признать в лице Стилихона своего вождя в борьбе за единство империи. Клавдиан взял на себя роль выразителя сокровенных чаяний италийской сенаторской знати о реставрации римского могущества во главе с древним Римом.

Политическая пропаганда идей реставрации Клавдиана имела успех среди узкой прослойки италийской знати, группировавшейся вокруг Стилихона. Видимо, была реальная программа у Стилихона и его окружения. Из сообщений Зосима выясняется, что Стилихон в течение всего своего правления искал предлога для вооруженного вмешательства в дела Востока и подготовлял интервенцию для захвата Восточного Иллирика (Zosim., V, 26), т. е. дакийского и македонского диоцезов. Так характеризуют внешнюю политику Стилихона в этот период и Моммзен и Штейн⁵². Но на пути в Восточный Иллирик стояли вестготы Алариха. Правительство Востока сумело по-

⁴⁵ Z o s i m., V, 7 сл., 11.

⁴⁶ C l a u d., De consul. Stil., I, 173; 188 сл.; II, 189 сл.; In Eutrop., I, 377—383 и др.

⁴⁷ C l a u d., De consul. Stil., I, 385:

Restituit Stilicho cunctos tibi, Roma, triumphos.

⁴⁸ C l a u d., In Rufin., II, 273 и сл.:

Qua dignum te laude feram, qui paene ruenti
Lapsuroque tuos umeros obieceris orbi?

⁴⁹ C l a u d., De consul. Stil., II, 390:

Splendida suscipiant alium te rostra Camillum,
Ultorem videant servatoremque Quirites.

⁵⁰ C l a u d., De consul. Stil., III, 174 и сл.:

Hanc tu cum superis, Stilicho praeclare tueris.
Protegis hanc clypeo matrem regumque ducumque.

⁵¹ C l a u d., De consul. Stil., II, 476:

Scribunt aetheriis Stilichonem sidera fastis.

⁵² M o m m s e n, ук. соч., стр. 521; E. S t e i n, Geschichte des spätromischen Reichs, B., 1929, стр. 350.

будить вестготского вождя в 401 г. вторгнуться в северную Италию. Стилихону удалось дважды разбить Алариха⁵³ и заключить с ним союз для похода на Иллирик⁵⁴. Поход не состоялся, так как Италия подверглась нашествию Радагайса в 405—406 гг.⁵⁵. Разбив Радагайса, Стилихон вновь мобилизует свои силы для экспедиции в Иллирик, но в 407 г. в Галлии появился узурпатор Константин, и Галлия отложились от Рима. Наконец, в 408 г., когда умер император Аркадий, оставив наследником младенца Феодосия II, Стилихон решил воспользоваться этим случаем и под предлогом оказания помощи Феодосию II, которому никто не угрожал, собрался во главе легионов «посетить» столицу Востока.

Агрессивная политика Стилихона по отношению к Восточной империи, особенно союз Стилихона с Аларихом, которому пришлось уплатить за военные издержки 4 тыс. фунт. золотом (Zosim., V, 29), наконец, сношения и союзы Стилихона с вождями различных племен, которые вербовались на службу империи, — все это вызвало еще большее недоверие к Стилихону. При дворе созрел заговор против Стилихона и его сторонников. Под лозунгом борьбы с влиянием «варваров» в армии и администрации развернулось антиварварское движение, охватившее многие города Италии. Враги Стилихона привлекли на свою сторону императора Гонория и часть легионов, набранных в Италии для борьбы с восставшей Галлией. Им удалось совершить переворот, свергнуть правительство Стилихона и организовать борьбу с «варварами» по всей Италии, во время которой погибли и Стилихон, и Клавдиан, и их сторонники⁵⁶.

События последних лет, начиная с 405 г., не нашли отражения в произведениях Клавдиана. Возможно, политика Стилихона, направленная на союз с Аларихом, опустошившим в 401—402 гг. Северную Италию, военные мероприятия Стилихона, его честолюбивые планы не разделялись уже Клавдианом⁵⁷.

Совершенно очевидно, что пропаганда Клавдианом объединения Римской империи вокруг древнего Рима, во главе с италийской знатью, носила по существу утопический характер. Клавдиан, как и Симмах, обращал свои взоры в прошлое, там он искал свой социально-политический идеал. Это были поиски выхода из того кризиса, в котором находилось рабовладельческое общество. Это были бессильные попытки укрепить гибнущую империю. Но единая Римская империя во главе с Римом, с италийской знатью, была уже пройденным этапом в развитии империи.

Н. И. Львов

⁵³ Claud., De VI consul. Honor., 129, 282; De bello Pollentino (Getico), 84, 201, 581 сл.; 605, 623 сл.

⁵⁴ Claud., De VI consul. Honor., 238; Zosim., V, 10; 25.

⁵⁵ Sozomen, VIII, 25; IX, 4; Zosim., V, 26.

⁵⁶ Zosim., V, 30, 31, 32, 33, 34.

⁵⁷ Вопрос о молчании Клавдиана и его судьбе после 404 г. является до сих пор не выясненным окончательно. См. Демужо, ук. соч., стр. 289—294.